

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-78-82>
УДК 821.161.1

Волкова Татьяна Фёдоровна

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Макарова Екатерина Игоревна

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ-МУСУЛЬМАН АВТОРОМ «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

В статье рассматривается одна из особенностей «Казанской истории», повести о трехсотлетней истории взаимоотношений Руси и Казанского царства, – необычное отношение автора, сторонника политики Ивана Грозного, к казанцам, которые в ряде случаев изображаются им сочувственно, приводятся примеры разрушения литературного этикета в Повести, разъясняются причины подобных описаний, кроющиеся в биографии безымянного автора «Казанской истории». В статье в данном аспекте рассмотрены эпизоды о нарушении великим князем московским Василием Василевичем договора с беглым крымским царем Улу Ахметом о его пребывании у границ Руси (глава 9), об измене Ивану III казанского хана Махмет-Амина и его дальнейшем раскаянии (глава 12), о предательстве казанского царя Шигалея, ставленника Москвы, погубившего спасшего его казанского вельможу Чуру Нарыковича (глава 25). Во всех этих эпизодах Казанской истории находят отражение не только обстоятельства личной симпатии к казанцам автора Повести, прожившего двадцать лет пленником в Казани, но и характерная для литературы XVI века тенденция – разрушение литературного этикета.

Ключевые слова: «Казанская история», разрушение литературного этикета, персонажи-мусульмане, взятие Казани

Информация об авторах: Волкова Татьяна Фёдоровна, доктор филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Макарова Екатерина Игоревна, магистр, преподаватель, Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И.А. Куратова, г. Сыктывкар, Россия

E-mail: ekaterina.st123@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.08.2020

Для цитирования: Волкова Т.Ф., Макарова Е.И. Изображение персонажей-мусульман автором «Казанской истории» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 78-82. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-78-82>

Tat'yana F. Volkova

Sorokin Syktyvkar State University

Yekaterina I. Makarova

Sorokin Syktyvkar State University

IMAGE OF MUSLIM CHARACTERS BY THE AUTHOR OF "KAZAN CHRONICLE"

One of the features of "Kazan Chronicle" – the manuscript of the three hundred year history of relations between Russia and Kazan Khanate – is the unusual attitude of the author, a supporter of the policy of Ivan the Terrible, to the Kazan Tatars (the latter ones in some cases are portrayed sympathetically by him), is discussed in the article; examples of the destruction of literary etiquette in the "Chronicle" are given, the reasons for such descriptions, hidden in the biography of the unnamed author of "Kazan Chronicle", are explained. Episodes about violation of the contract with the fugitive Crimean tsar Ulanus, about the stay of the latter at the borders of Russia, by Vasily II the Blind, the Grand Prince of Moscow (Chapter 9), about treason of Kazan Khan Muhammad Amin against Ivan III the Great and about the further repentance of the former (Chapter 12), the perfidy of Shahghali, Khan of Kazan, who was Moscow's appointee, and killing by him of Chura, son of Naryk, Kazan nobleman who had saved him (Chapter 25), are discussed in the article in this aspect. In all those episodes of "Kazan Chronicle", what is reflected is not only the circumstances of the personal sympathy towards Kazan Tatars from the side of the author of the "Chronicle", who had lived for twenty years as a prisoner in Kazan, but also the destruction of literary etiquette, which was a trend characteristic of the 16th century literature.

Keywords: "Kazan Chronicle", destruction of literary etiquette, Muslim characters, Siege of Kazan

Information about the authors: Tat'yana F. Volkova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Komi autonomy, Russia

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Yekaterina I. Makarova, Master, teacher, Kuratov Syktyvkar Humanitarian Pedagogic College, Syktyvkar, Komi autonomy, Russia

E-mail: ekaterina.st123@mail.ru

Article received: 12 August, 2020

For citation: Volkova T.F., Makarova Ye.I. Image of Muslim characters by the author of "Kazan Chronicle". Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 78-82 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-78-82>

«Казанская история» – одно из самых интересных и значительных произведений русской литературы XVI в., позволяющее проникнуть в круг узловых проблем развития средневековой русской литературы, ее связей с литературой нового времени. Написанная в годы обостренных отношений Ивана Грозного с феодальной знатью, она отразила – в трактовке исторических событий – политическую борьбу 60-х годов XVI в., когда она создавалась (1564–1565). В этой борьбе автор «Казанской истории» последовательно стоит на стороне Ивана Грозного [Моисеева 1964: 7]. И в этом плане «Казанская история» вписывается в целый ряд произведений, рассказывающих о взятии Казани русскими войсками в 1552 г., таких как «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», «Степенная книга царского родословия». Но «Казанская история» в ее первоначальной редакции значительно отличается от этих произведений и охватом событий (рассказу о казанском походе 1552 г. предшествуют 50 глав повествования обо всей истории русско-казанских отношений, начало которой автор «Казанской истории» возводит ко временам Батыя), и жанровыми особенностями (в «Казанской истории» использованы художественные достижения практически всех основных средневековых жанров, сформировавшихся к XVI веку в русской литературе), и развитым сюжетом, в котором обнаруживаются все используемые в новой литературе элементы сюжета, выстраивающиеся при этом не в одну, а в три сюжетные линии, которые накладываются друг на друга, но вполне самостоятельны. Это, во-первых, история военных столкновений русских с казанцами, во-вторых, описание мирных переговоров московских великих князей с казанскими царями и предательств некоторых казанских правителей и мурз, которые порождали новые военные конфликты между русскими и казанцами, в-третьих, особая – провиденциальная – сюжетная линия, рассказывающая о том, как вмешивался божественный промысел в историю военных отношений Руси и Казани. И все эти сюжетные линии служат раскрытию идейного замысла автора – показать личные заслуги Ивана Грозного в казанской победе, изобразить его участие в казанском взятии как боговводимый подвиг и оправдать московского самодержца за пролитую в Казани кровь – как русскую, так и казанскую [Волкова 1985: 309–312].

В «Казанской истории» наряду с освоенным уже русской литературой публицистическим вымыслом активно вводится и вымысел художественный, который служит только цели занимательности повествования, не подчиняясь никаким идеологическим установкам [Волкова 1989: 68–76].

Но особенно резко отличалась «Казанская история» от современной ей исторической литературы отношением автора к тогдашним врагам Руси –

казанцам, людям иной веры, своими набегами на русские селения доставлявшим много горя русскому населению. Отношение это было необычным для произведений того времени и в литературном, и в нравственном отношении. Именно эти необычные описания воинов-врагов привели акад. Д.С. Лихачева к очень важному для поэтики древнерусской литературы наблюдению о разрушении литературного этикета в XVI в., когда к врагам Руси стали применяться такие этикетные формулы, которые раньше применялись только к русским воинам [Лихачёв: 10–11]. И эти нарушения впервые обнаруживаются именно в «Казанской истории». Вот, например, как описывается в ней воинская доблесть казанцев и их патриотизм: «И много съкшеса казанцы, и многих от вой русских убивше, и сами ту же умроша, храбрыя, похвално на земли своей» [Казанская история: 524].

И таких характеристик в «Казанской истории» достаточно много. При этом необычно изображаются и русские воины – как жестокие и беспощадные: «Рустии же вои... рыскашу, яко звѣрие по пустынямъ, съмо и овамо, яко лвы рыкашу, восхитити лова – ищущи казанцевъ, в домѣх их и во храминах, и в погребѣх, и въ ямах скрывающихся. И гдѣ аще обрѣташу казанца стара или юношу, или средоличнаго, и ту скорѣ того оружиемъ своимъ смерти предаваху...» [Казанская история: 524].

Отметим также, что отношение автора «Казанской истории» к казанцам было двояким: автор осуждает тех предводителей казанцев, под руководством которых разорялись русские земли, уводились в плен русские люди, которые нарушали данные московским великим князьям клятвы о мире и изменяли им. Именно из-за жесткой непримиримой позиции казанских военачальников, по мысли автора, и пролилась в 1552 г. казанская кровь, хотя не только сам царь уговаривал казанцев обойтись без кровопролития, но и пленная черемиса и даже их жены и матери, что очень ярко описано в Повести.

Но совсем иначе автор «Казанской истории» относится к простым казанцам, показывая, как много они натерпелись страха в ходе осады и взятия Казани. Они изображаются как жертвы неумного правления казанских царей и вельмож. Так, рассказывая о последствиях для казанцев взрыва пороха в подкопах, прорытых русскими воинами под казанскими стенами, автор «Казанской истории» ярко описывает смертельный испуг жителей Казани: «А иже внутрь во градѣ казанцы, мужи и жены, от страха силнаго гряновения омертвѣша, и падоша ниць на землю, чающи под собою земли погрязнути или содомский огонь, с небеси сшедши, попалити их. И быша, аки камыщи, безгласни, друг на друга зряще, яко изумлени, и ничтоже друг ко другу своему провѣщати могуше, и долго лежаще» [Казанская история: 514].

Поразительно также и то, что автор «Казанской истории» сочувственно относится не только к простым казанцам, но и к некоторым казанским царям и вельможам, которые сами становились жертвами предательства русских людей и своих же единоверцев в разных жизненных обстоятельствах.

Такому необычному отношению к персонажам-иноверцам, за которыми стояли исторические личности, находится объяснение в столь же необычной биографии автора «Казанской истории», имя которого, к сожалению, не сохранилось. Он сообщил о самых драматических эпизодах своей жизни, связанных с Казанью, в начале своей «красной» повести, как он сам называет созданное им произведение. Согласно его признанию, он провел целых 20 лет в Казани, попав в плен к казанцам, по-видимому, во время одного из их набегов на Русь. Став пленником, он принял мусульманство и благодаря этому получил возможность быть приближенным ко двору казанских царей и установить дружеские отношения с казанскими вельможами. При этом автор «Казанской истории» приоткрывает завесу и над причинами, которыми он при этом руководствовался. Они были намного глубже простого желания сохранить свою жизнь в плену. Судя по созданному им произведению, это был человек весьма образованный, талантливый и любознательный. Оказавшись при дворе царя Сафа-Гирея, он попытался изучить историю страны, в которую его занесла судьба: стал искать материалы о зарождении Казанского царства в русских летописцах, но там мало что нашел для себя полезного; тогда он стал собирать казанские предания и не побоялся вставить эти мусульманские легенды в свое произведение. Он стал расспрашивать казанских вельмож, что им известно о начале казанского царства. Интересен тот факт, на который обратила внимание Г.Н. Моисеева, что автор «Казанской истории» не воспользовался возможностью вернуться на родину в 1551 г., в правление московского ставленника на казанском престоле Шах-Али (Шигалей «Казанской истории»), когда все русские были отпущены на родину. Он же остался в Казани почти до конца осады города. Исходя из того, что безымянный автор все же покинул Казань и уже перед самым ее взятием вернулся к православной вере, более того, получил от Ивана Грозного земельный надел на Руси, исследовательница высказала предположение о том, что он выполнял в Казани какое-то тайное правительственное задание [Моисеева 1953: 274]. В чем оно состояло, судить сейчас невозможно, но ясно, что оно не помешало русскому человеку всей душой полюбить казанцев, страдания которых он наблюдал собственными глазами.

Приведу несколько наиболее ярких примеров сочувственного отношения автора к своим мусульманским героям, которые в некоторых жизненных ситуациях повели себя более по-христиански, чем

русские великие князья и некоторые казанские правители – ставленники Москвы: проявили христианское смирение и пришли к подлинному покаянию, за что и получили от Бога поддержку.

Так, например, в главе 9-й «Казанской истории» рассказывается о событиях, произошедших во время правления на Руси великого князя Василия Васильевича. Автор «Казанской истории» описывает его конфликт с золотоордынским ханом Улу-Ахметом, который, лишившись в 1436 г. в результате междоусобной борьбы престола, бежал на Русь. Обосновавшись возле Москвы, он стал собирать войско, чтобы отомстить князю Едыгею за свое изгнание из Орды. Великий князь Василий Васильевич, услышав о военной активности Улу-Ахмета, испугался, подумав, что тот собирается напасть на Русскую землю, и отправил к нему своих послов, чтобы те попросили Улу-Ахмета уйти от границ Руси. Улу-Ахмет стал просить великого князя дать ему возможность еще некоторое время задержаться на московской территории: «Брате, господине мой, мало ми время помедли, яко вборзе имамъ пойти от земли твоея. Никоего же зла тебѣ никако же сотворю по обѣщаю же нашему с тобою и по любви, но и впредь и до смерти моея, егда мя устроить Богъ и паки сѣсти на царствии моемъ» [Казанская история: 320–322]. Однако, как отмечает автор «Казанской истории», Василий Васильевич забыл слова Писания, что «покорно слово сокрушает кости и смиренныя сердца и сокрушенныя Богъ не уничтожитъ» [Казанская история: 322] и послал на Улу-Ахмета брата своего Дмитрия Галицкого. Улу-Ахмет в отчаянии обратился к «русскому Богу»: «Видь нынѣ скорбь и бѣду мою, но помози ми и буди намъ истинный судия, правосуде межъ мною и великимъ княземъ, и обличи вину коегождо насъ. Ищеть бо онъ неповинно убити мя, яко подобно время обрѣтъ и ищеть неправедно погубити мя. Обѣщанием нашимъ и клятву с нимъ солгалъ и преступилъ, и великое брежение мое и прежнюю мою любовь к нему, аки любезному сыну, забывъ, видя мя нынѣ в велицей напасти и бѣдѣ утѣсняема зельно и погибающа отвсюду» [Казанская история: 322–324]. И Бог услышал его молитвы: русское войско, посланное на Улу-Ахмета, было разбито, потому что, как говорит автор, «покорение бо и смирение» Улу-Ахмета «пренеможе и побѣди великаго князя нашего свирѣпое сердце» [Казанская история: 324]. В завершение этого эпизода, комментируя описанное, автор говорит: «яко не токмо спомогает Богъ христианомъ, но и поганымъ способствуетъ» [Казанская история: 324].

Интересна в рассматриваемом аспекте и история взаимоотношений другого казанского хана, Махмет-Амина, и великого князя Ивана III (глава 12). Махмет-Амин был воспитан при дворе Ивана III, куда он попал в 1479 г. десятилетним мальчиком после неудавшейся попытки русских

посадить его на ханский престол в Казани вместо брата. Но через шесть лет, в 1485 г., Иван III все же поставил Махмет-Амина на царство в Казань. После смерти брата Алехамы Махмет-Амин женился на своей снохе. Та, по словам автора «Казанской истории», «яко прелукавая змия, научаема от вельмож царевых, охавившиися о выи», стала советовать мужу изменить великому князю и перебить всех русских людей, живущих в Казани. Махмет-Амин «прелстися от злыя жены своея и послуша проклятаго совѣта ея» [Казанская история: 330]. Великий князь Иван Васильевич не успел отомстить Махмет-Амину, потому что вскоре умер. Но за свои бесчинства Махмет-Амин был наказан Богом неизлечимой язвой («порази его Богъ язвою неизцелною от главы и до ногу его» [Казанская история: 338]. Эта тяжелая болезнь произвела в нем душевный переворот, и Махмет-Амин, осознав, что «бысть... неисцельнъ недугъ сей» ему «за неправду» его и «измѣну», глубоко раскаялся в своих злодеяниях и по-христиански оценил бесполезность всех своих богатств перед лицом смерти: «О, горе мнѣ, окаянному! Погибаю, и все золото и серебро, и царския вѣнцы, и златотворныя одежды, и многоценныя постели царския, и красныя мои жены, и предстоящыя ми отроки младыя, и добрыя кони, и величание, и честь, и дани многия, и все мое безчисленное богатство, и вся моя драгая царская узорочья оставляются инѣм по мнѣ! Аз же, поганый, токмо в суете труждахся без ума, и нѣсть ми нынѣ пользы ни от жены-змии, прелстившия мя, ни от множества силы моея... – вся бо исчезоша, яко прахъ от вѣтра»» [Казанская история: 340].

Таким образом, автор «Казанской истории» приводит своего героя-мусульманина к осознанию важнейшей заповеди христианства о покаянии, которое единственно может спасти человеческую душу от гибели, и к пониманию того, что «русский Богъ» послал ему страшную болезнь за совершенное им предательство. Это подчеркнуто и авторским комментарием: «И се Богъ преступающим клятву воздает» [Казанская история: 340]. Раскаившийся Махмет-Амин отправляет к Василию Ивановичу послов с дарами, прося прощения за свои грехи, и вскоре умирает. Великий князь Василий Иванович «умилися о прощении царя того», простил ему всё, забыл о совершённом Махмет-Амином зле и с великой честью принял его дары.

В третьем сюжете, на котором мы еще хотим остановиться в этой статье, оба героя – мусульмане, но один находится в лагере московском, другой – в казанском. Второй, казанец, столкнувшись с несправедливостью своих соплеменников в отношении избранного ими добровольно и приведенного на царство в Казань из Руси служившего Москве касимовского царя, принимает решение помочь несправедливо униженному человеку и рассчитывает на его поддержку и помощь в совместном бегстве

на Русь, но первый, спасенный, забывает про своего спасителя. Эта печальная история рассказана автором в 25-й главе «Казанской истории». А герои ее – царь Шигалей, обманутый коварными казанцами, и знатный казанский вельможа Чура Нарыкович, как его именует автор «Казанской истории». Прелюдией к сюжету о Чуре служит рассказ о том, как после изгнания своего царя Сап-Кирея, ставленника Крыма, который отдавал в своем правлении приоритет крымцам, приехавшим с ним в Казань, казанцы остались без царя и стали думать о том, кого пригласить на Казанский престол. В этой ситуации они задумали очередную хитрость – попросить у московского великого князя на царство касимовского царя Шигалея, ему служащего, который в это время сильно досаждал им своими военными притеснениями – «всегдашним воеванием земли их», и уже в Казани избавиться от него. И этот замысел им почти удался, но здесь в сюжете появляется «большой князь» казанский Чура Нарыкович, который тогда «власть... над всѣми велику имѣяше в Казани» [Казанская история: 378]. Именно ему, пишет автор, «и вложи Богъ милосердие о царѣ, вѣрнаго ради его (то есть Шигалея) страдания за христианы» [Казанская история: 376]. Движимый этим, вложенным в него Богом, милосердием, Чура и помогает Шигалею, плененному казанцами, избежать неминуемой смерти, которую ему уготовили казанцы, и бежать в Москву. Сам же Чура, понимая, что за освобождение Шигалея он сам заплатит жизнью, собрав все свое семейство и все свое имение, решает бежать вслед за Шигалеем и сдаться на милость «московского царя». Он договаривается с Шигалеем, чтобы тот подождал его в условленном месте, и они вместе поехали бы на Русь: «Ты же, мноу избавлень бывъ от смерти, не забуди мене... И аз готовъ буду с тобою из Казани бѣжати к Москвѣ... И совѣт ему даде, яко да дождеть его царь на нѣкоем мѣсте знаемѣ...» [Казанская история: 378–380]. Но когда Чура достиг условленного места, то Шигалея там не оказалось: «И забы царь, и не пожда на мѣсте реченнѣм друга своего Чюры Нарыковича, избавльшаго его от смерти» [Казанская история: 380]. Когда же казанцы обнаружили бегство Шигалея и Чюры со всем его семейством, они отправились в погоню за ними. Но Шигалей успел далеко уйти, а Чуру они настигли. «Онъ же, обострожився от нихъ в мѣсте крѣпце, чая отбитися от нихъ. И бившеся с ними долго. И убиша своего храбраго воеводу Чюру Нарыковича и с сыном его, и со всѣми отроки его...» [Казанская история: 380–382]. Этот сюжет показался автору «Казанской истории» прекрасной иллюстрацией известного евангельского изречения, которым он и закончил эту главу: «И болши сея любви нѣсть ничто же, еже положити душу свою за господина своего или за друга» [Казанская история: 382].

На какие размышления наводят рассмотренные нами в этой статье эпизоды «Казанской истории», число которых можно значительно увеличить? Они свидетельствуют не только о таланте повествователя, которым, несомненно, обладал автор «Казанской истории». Он в полной мере «отработал» тот «земли удѣл», котрым его наградил Иван Грозный, чтобы он жил «служба ему». Это была в первую очередь писательская служба, с которой автор «Казанской истории» справился замечательно, создав произведение, в котором царь как избранник Божий предстает идеальной личностью, наделенной и полководческим талантом, и богомольностью, и справедливостью, и христианским смирением. Но в рамках этого идеализированного рассказа прорисовывается и другая грань личности его создателя – широта его христианской души, способной увидеть даже в человеке другой веры проявление истинно христианских качеств.

Список литературы

Волкова Т.Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 308–322.

Волкова Т.Ф. Развитие повествовательности и художественного вымысла в русской исторической литературе XV–XVII веков: учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1989. С. 57–76.

Казанская история / подгот. текста и пер. Т.Ф. Волковой // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М.: Художественная литература, 1985. С. 300–565.

Куликова Е.И. Единый принцип сюжетной организации в «Казанской истории» // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: материалы Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов. Сыктывкар, 13 мая 2016 года [Текст. науч. электрон. изд., на компакт-диске]. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 112–113.

Лихачев Д.С. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 5–16.

Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 266–290.

Моисеева Г.Н. Казанская история // Казанская история / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1964. С. 3–28.

References

Volkova T.F. *Rabota avtora "Kazanskoj istorii" nad sjuzhetom povestvovanija ob osade i vzjatii*

Kazani [The Work of the Author of the "Kazan Chronicle" upon the Plot of the Story about the Siege and Conquest of Kazan]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1985, vol. 39, pp. 308–322. (In Russ.)

Volkova T.F. *Razvitie povestvovatel'nosti i khudozhestvennogo vymysla v russkoj istoricheskoj literature XV–XVII vv.* [The Development of the Narrative and Fiction in Russian Historical Literature of the 15th–17th Centuries]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 1989, 90 p. (In Russ.)

Kazanskaja istorija, podgotovka teksta i perevod T.F. Volkovoj [Kazan Chronicle, text preparation and translation T.F. Volkova]. *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Vtoraja polovina XVI v.* [Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XVI century]. Moscow, Fiction Publ., 1985, pp. 300–565. (In Russ.)

Kulikova E.I. *Edinyj princip sjuzhetnoj organizacii v "Kazanskoj istorii"* [The Unified Principle of the Narration Structure in the "Kazan Chronicle"]. *Slovo i tekst v kul'turnom i politicheskom prostranstve: materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii studentov i aspirantov, 13 maja 2016 goda* [The Word and Text in the Cultural and Political Space: Materials of the All-Russian Scientific Conference of Students and Postgraduates, 13 May 2016]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 2016, pp. 112–113. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Literaturnyj jetiket drevnej Rusi (k probleme izuchenija)* [Literary etiquette of ancient Russia (on the problem of study)]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961, vol. 17, pp. 5–16. (In Russ.)

Moiseeva G.N. *Avtor "Kazanskoj istorii"* [The Author of the "Kazan Chronicle"]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953, vol. 9, pp. 266–290. (In Russ.)

Moiseeva G.N. *Kazanskaja istorija* [Kazan Chronicle], podgot. teksta, vstupitel'naja stat'ja i primechanija G.N. Moiseevoj [Kazan Chronicle, preparations text, introductory article and notes by G.N. Moiseeva]. Moscow, Leningrad, 1964, pp. 3–28. (In Russ.)